

ЖОРЖ БАТАЙ

НЕНАВИСТЬ К ПОЭЗИИ

ПОРНОЛАТРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Перевод с французского

Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
Москва

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Жорж Батай (1897—1962) представляет собой исключительное явление французской культуры XX столетия. Сочинения этого писателя и мыслителя, вызывавшие значительный резонанс еще при его жизни, уже несколько десятилетий привлекают к себе внимание критики, которая усматривает в них необыкновенно глубокое воплощение противоречий современной культуры.

Наследие Батая сопротивляется всякой жанровой классификации. Философия, художественная проза и поэзия, критика, мистика, теория религии, социология, история искусства, политическая публицистика, организация беспрецедентных форм творческого сообщества (на скрещении литературы, науки, религии и политики) — все это многообразные грани его уникального творческого проекта, делающие затруднительной даже внешне-описательную характеристику.

В нашей стране знакомство с творчеством Батая еще только начинается. В русских переводах вышли две его небольшие книги — «Литература и зло» и «Внутренний опыт», — а также несколько более мелких текстов.

Данным сборником издательство «Ладомир» начинает серию книг, в которую должны войти все основные произведения Жоржа Батая. Первый том посвящен текстам, которые можно условно обозначить как «литературные»; далее предполагается выпустить сборники его мистических, философских, социологических, критических трудов.

БЛУДОПОКЛОННИЧЕСКАЯ ПРОЗА ЖОРЖА БАТАЯ

Считается, что поэзию нельзя пересказывать «своими словами», а повествовательную прозу – можно. То, что это справедливо как минимум не всегда, доказывают литературные сочинения Жоржа Батая. Внутри себя они обладают глубокой, мрачной связностью, но при попытке пересказа (или даже цитирования) «вне контекста» предстают то ли анекдотическим графоманством, то ли бредом безумца, то ли какой-то «переусложненной порнографией»¹. В такую ловушку закономерно попадают идеологически ангажированные критики, с чистой совестью выбрасывающие из текста все «лишнее» для себя. Например, американская феминистка Андреа Дворкин следующим образом излагает содержание батаевской «Истории глаза»:

The story is told by a narrator in the first person. He grew up alone and was frightened of the sexual. When he was sixteen he met Simone, the same age. Three days after they met they were alone at her villa. Simone was wearing a black pinafore. She wore black silk stockings. He wanted to pick up her pinafore from behind to see her cunt, the word he considers the most beautiful one for vagina. There was a saucer of milk in a hallway for the cat. Simone put the saucer on a bench and sat down on it. He was transfixed. He was erect. He lay down at her feet. She stayed still. He saw her cunt in the milk. They were both overwhelmed².

Соотечественница А. Дворкин Сьюзен Сулейман, процитировав это «резюме» (общей длиной в семь страниц!), меланхолически замечает: «Уделяя столь большое внимание «сценам и персонажам», Дворкин успешно превращает повесть Батая в образчик вокзального чтыва или даже, точнее, в товар из секс-шопа»³. Стремясь сама продемонстрировать более разумный и просвещенный феминизм, Сулейман несколько брезгливо отстраняется от своей предшественницы и во *французском* тексте своей статьи цитирует ее (как и мы здесь) *по-английски*. Действительно, неадекватность подобного пересказа в том и состоит, что он – *на другом языке*; язык идеологии никогда не совпадает с языком литературы.

Но проза Батая плохо поддается не только идеологической трактовке. Она оказывается каким-то ускользающим, неудобным объектом и для серьезного научного исследования. В самом деле, повествовательный текст определяется наличием в нем *персонажей*, антропоморфных фигур, с которыми читатель может отождествлять себя, с которыми связана та или иная антропологическая проблематика. Так вот, именно проблема героя у Батая обычно обходится даже в самых добротных работах о нем. Чаще всего Батай-писатель ступевывается

¹ Выражение Хенка Хилленаара: *Hillenaar Henk. L'Abbé C.: Scénario de l'expérience intérieure // Cahiers de recherches des instituts néerlandais de langue et de littérature françaises (CRIN). 1992. № 25. P. 59.*

² *Dworkin A. Pornography: Men Possessing Women. N.Y.: A Perigee Book, 1981. Цит. по: Rubin Suleiman Susan. La pornographie de Bataille // Poétique. Paris. 1985. № 64. P. 487.*

³ *Rubin Suleiman Susan. Art. cit. P. 487.*

Часть первая

Предисловие
РАССКАЗ ИЗДАТЕЛЯ

Я совершенно отчетливо вспоминаю: когда я впервые увидел Робера С., мной овладела тяжелейшая тоска. Тот случай, когда жестокость джунглей вдруг оказывается законом, которому все мы должны подчиняться. Я вышел после обеда...

На заводском дворе, под палящим солнцем рабочий грузил уголь лопатой. Угольная пыль приклеивалась к его потной коже...

Тоска моя происходила от неудачного поворота в моей судьбе. Внезапно я со всей ясностью осознал: мне придется работать; мир перестал с божественной щедростью отвечать моим капризам, я должен покориться его суровым законам ради пропитания.

Я вспоминал лицо Шарля, на котором даже страх казался легким и даже веселым, – лицо, на котором я еще надеялся в тот день прочесть ответ на загадку, возникшую после потери моего состояния. Я дернул за веревочку звонка, и от низкого звука колокола, зазвучавшего в глубине сада, у меня возникло тяжелое предчувствие. Старое обиталище излучало некую торжественность. А я был исключен из мира, где высота деревьев придает мукам самую сладостную тяжесть.

Робер был братом-близнецом Шарля.

Я не знал, что Шарль заболел: причем до того серьезно, что Робер по просьбе врача приехал из соседнего города. Он открыл мне дверь, и я совершенно растерялся – не только от известия о болезни Шарля: Робер был копией Шарля, но от его длинной сутаны и извиняющейся улыбки исходило какое-то изнеможение.

Теперь-то я не сомневаюсь, что Шарлю тоже было знакомо это ощущение, но в тот момент Робер выказывал то, что Шарлю удавалось скрывать за своим хаотическим характером.

– Мой брат очень болен, сударь, – сказал он мне, – и он вынужден отказаться от сегодняшней встречи с вами. Он попросил меня предупредить вас и извиниться.

Улыбка, увенчавшая сию изысканную фразу, не могла скрыть явно гложущего его беспокойства. Весь наш последовавший за этим разговор в доме свелся к внезапной болезни и пессимистическим прогнозам.

Печаль аббата вполне могла объясняться состоянием Шарля. Но она вызывала у меня то же ощущение, как и угольная пыль на заводе: словно что-то душило его, и мне показалось, что ему уже невозможно помочь. Я говорил себе иногда, что его осунувшееся лицо, виноватый взгляд, бессилие даже дышать – следствие тяжелых отношений между братьями:

Часть вторая

РАССКАЗ ШАРЛЯ С.

1. Эпонина⁴

В то время, когда начинается этот рассказ, рассудок моего брата совсем помутился — он был одержим демоном вежливого красноречия. Еще никто и никогда не тцился с таким ожесточением идти наперекор молчанию. Однажды мне захотелось высказать ему свое чувство; он дал мне шуточный ответ со слащавой улыбкой.

— Ты не прав, да нет же, вовсе нет, мы только об этом и мечтаем, — сказал мне он. — Ибо... мы обманываем наш мир: на поверхности — залихватское прекрасное настроение, даже капелька дурного вкуса, но в глубине души тревожная тоска.

В тот момент его глаза сверкнули лукавством.

— Любовь к Богу, — добавил он, — самое большое плутовство. Следовало бы применить к ней вульгарный лозунг, который при этом словно исподволь превратился бы из остроумной шутки в замкнутое молчание...

И тут он с беглой улыбкой выдохнул (он курил трубку) слова:

— Say it with flowers!⁵

Я поднял голову, стал с неприязнью вглядываться в его лицо, я не мог поверить, что он осмелился...

Мне и сегодня непонятно, чего он хотел.

Стремление к доброй воле, к открытости, кажется, победили в нем всякую осторожность. И пламенный католицизм, и любезная дерзость были резкой противоположностью той дружбе, какую мы в глубине души пытались поддерживать между собой.

Я взглянул на этого видного, фальшивого и приятного мужчину, которого я некогда принимал за свое второе «я». Благодаря священническому сану он обрел власть обманывать, но не других, а самого себя: такая очарованность бытием в мире, деятельность, бьющая через край, громко кричащая о победе добродетели, возможны только в заблуждении. Такой чрезмерной наивности легко подвержены некоторые женщины, но если речь идет о мужчине (священнике), то в этой комедии божественной доброты он кажется глупцом или хвастуном!

Летом 1942 года в силу совершенно различных обстоятельств аббат, Эпонина и я очутились все трое в своем родном городишке.

В одно погожее воскресенье всю вторую половину дня я пил вместе с Эпонинной. Мы условились встретиться снова на церковной башне. Я зашел в дом священника, чтобы пригласить брата пойти со мной.

Я взял его под руку и, пользуясь своим откровенно невменяемым состоянием, сказал ему таким же, как у него, слащавым голосом:

Часть третья

ЭПИЛОГ РАССКАЗА ШАРЛЯ С.

В ту минуту, когда я узнал о смерти брата, заходящее солнце заливало огнем мирные просторы полей, лугов и лесов; в таком освещении деревни, заснеженные вершины розовели. Я долго оставался у окна: подобные ужасы по меньшей мере набивали оскомину. Весь мир, казалось мне, поражен болезнью...

Когда его арестовали, я больше не сомневался, что смерть больного Робера уже недалеко. Он бы в любом случае погиб. Заточение только проявило кошмарный характер его смерти, лишь ускорило ее. Однако от этой внезапной очевидности я заболел сам. Я был в сильной лихорадке. Меня охватывало состояние такого упадка сил, при котором было бесполезно даже плакать. (К этому времени Эпонину тоже арестовали, и я мало надеялся на ее возвращение. И действительно, через год она умерла.)

Я долго пребывал во власти лихорадки, спал в полузабытьи, в котором меня посещали ясные видения, когда мысль болезненно проскальзывает в хаос сна.....
.....
.....
.....

Я пытался избавиться от этого аморфного страдания.

Я встал. Я прошел через комнату, желая избежать того, что уже постоянно вводило меня в заблуждение.

Я увидел, как подходит мужчина средних лет: он садится за стол, еле переводя дух.

По всей видимости, он явился из мира, где жестокость не знает границ, он был не только бесцеремонен, как мертвец, но и вульгарен, как аббат С., вялый, окончательно обессилевший мужчина. Взгляд его, как полагается покойникам, был обращен внутрь, душа его — как при прекращающемся зевке, который постепенно оборачивается невыносимой болью.

Вдруг резко, сквозняком открыло дверь... Аббат встал, ни слова не говоря, закрыл эту дверь и возвратился за мой стол.

Я безмолвно рассматривал его.

Он был весь в лохмотьях. (Возможно, это была всего лишь рваная сутана или риза.)

Огни очага придавали ему во мраке моей спальни вид неба, когда луна освещает верхушки облаков, разлохмаченные ветром.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Зенкин
Блудопоклонническая проза
Жоржа Батая

7

ИСТОРИЯ ГЛАЗА
Перевод И. Карабутенко

51

НЕБЕСНАЯ СИНЬ
Перевод И. Карабутенко

91

ЮЛИЯ
Перевод Е. Гальцовой

173

НЕВОЗМОЖНОЕ
Перевод Е. Гальцовой

223

АББАТ С.
Перевод Е. Гальцовой

305

DIVINUS DEUS
Перевод Е. Гальцовой

411

Е. Гальцова
Хронологический очерк
жизни и творчества
Жоржа Батая

545

Е. Гальцова
Комментарии

571